

Гадкий утенок

Ганс Христиан Андерсен

Хорошо было за городом! Стояло лето. Золотилась рожь, зеленел овес, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными листьями во весь рост. В чаще лопуха было глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Она должна была выводить утят, и ей это порядком надоело, потому что сидела она уже давно и ее редко навещали — другим уткам больше нравилось плавать по канавам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята быстро выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом под зелеными листьями лопуха;

мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Тут было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все вы тут? — И она встала. — Ах нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не управлюсь, — сказала молодая утка. — Все не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все, как один, — в отца.

— А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Наверняка это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. Ну и было же мне с этими индюшатами хлопот, скажу я тебе! Никак не могла заманить их в воду. Уж я и крикала, и толкала — не идут, да и только! Ну-ка, покажи яйцо. Так и есть! Индюшечье! Брось его да ступай учи деток плавать!

— Посижу уж еще! — сказала молодая утка. — Столько сидела, что можно и еще посидеть.

— Как угодно! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Уж не индюшонок ли это, в

самом деле? Ну да в воде-то он у меня побывает, силой да загону!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем. Утка со всюю своею семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже побултыхались в воду. Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и работали, и даже некрасивый серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, мой он, мой родненький... Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Сейчас я введу вас в общество, представлю вас на птичьем дворе. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря, а кончилось тем, что головка досталась кошке.

— Вот видите, как бывает на свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну-ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскут. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, — по этому лоскуту ее узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вовнутрь! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот

так! Смотрите! Теперь наклоните голову и скажите: «Кряк!»

Так они и сделали. Но другие утки оглядели их и сказали громко:

— Ну вот, еще целая орава! Как будто нас мало было? А один-то какой безобразный! Уж его-то мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в затылок.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — ответила чужая утка. — Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутом на лапе. — Все славные, вот только один... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила уткамать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце, оттого и не совсем удался. — И она почесала у него в затылке и огладила перышки. — К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он окрепнет и пробьет себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте как дома, а найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот утята и устроились как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и дразнили решительно все — и утки и куры.

— Больно велик! — говорили они.

А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором,

надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким безобразным, что весь птичий двор смеется над ним!..

Так прошел первый день, а потом пошло еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза бы на тебя не глядели!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Это оттого, что я такой безобразный!» — подумал утенок, закрыл глаза и пустился дальше. Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, пролежал он тут всю ночь.

Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и страшилище ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам все равно, только не думай породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Только бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провел он в болоте. На третий день явились два диких гусака. Они лишь недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с

нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут хорошенькие дикие гуси-барышни. Они умеют говорить: «Га-га-га!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака замертво упали в камыши; вода обагрилась их кровью. Пиф! Паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки — шлеп! шлеп! Камыш и тростник так и качались из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха. Он хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она сунулась пастью к утенку, оскалила острые зубы и — шлеп! Шлеп! — побежала дальше.

«Не тронула, — подумал утенок и перевел дух. — Уж видно, такой я безобразный, что даже собаке противно укусить меня!»

И он притаился в камышах. Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться. Лишь через несколько часов он осмелился встать, огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи добежал он до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась. Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом. А ветер все крепчал. Тут утенок заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно

проскользнуть через щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже пускать искры, если погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, потому ее и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром чужого утенка заметили. Кот замурлыкал, курица заклохтала.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц все не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!»

Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утенок полагал, что можно быть на этот счет и другого мнения. Но курица этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утенок. — Такое удовольствие нырять вниз головой в самую глубь!

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее ее никого нет на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

— Вы меня не понимаете, — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты что ж, хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать-то с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят, — сказал утенок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные попрежнему презирали его за безобразие.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди

сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз; под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из кустов поднялась целая стая прекрасных больших птиц, утенок никогда еще не видал таких красивых: все белые как снег, с длинными, гибкими шеями.

Это были лебеди. Издав странный крик, они всплеснули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Высоко-высоко поднялись лебеди, а бедного утенка охватила непонятная тревога. Волчком завертелся он в воде, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, нырнул на самое дно, вынырнул и был словно не в себе. Не знал утенок, как зовут этих птиц, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был бы рад-радехонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Морозило так, что даже лед потрескивал. Без усталости работал лапками утенок, но под конец совсем выбился из сил, замер и весь обмерз.

Рано утром проходил мимо крестьянин. Он увидел утенка, разбил лед своими деревянными башмаками и отнес полумертвую птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали поиграть с ним, а ему показалось, что они хотят обидеть его. Шарахнулся от страха утенок и угодил прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и взмахнула руками, а утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож! Хозяйка кричала и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо еще, дверь была открыта, — утенок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально описывать все беды и несчастья утенка за эту суровую зиму. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Пришла весна!

Утенок взмахнул крыльями и полетел. Теперь в крыльях его гудел ветер, и они были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу-ка к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, тоже поплыли к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и низко опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение. Но он был уже не гадким темно-серым утенком, а лебедем.

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бед, — он мог лучше оценить свое счастье и окружавшее его великолепие. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его клювами.

В сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый младший закричал:

— Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости, а потом побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним голову.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был очень счастлив, но несколько не возгордился — доброе сердце не знает гордости; ему вспоминалось то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных птиц. Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви, солнышко светило так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!